

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левицев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Тамара Чижина

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

10 **'99**
октябрь (1620)

Сдано в набор 23.8.99.

Подписано к печати 17.9.99.

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Заказ № 2044

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@sonnet.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал выходит

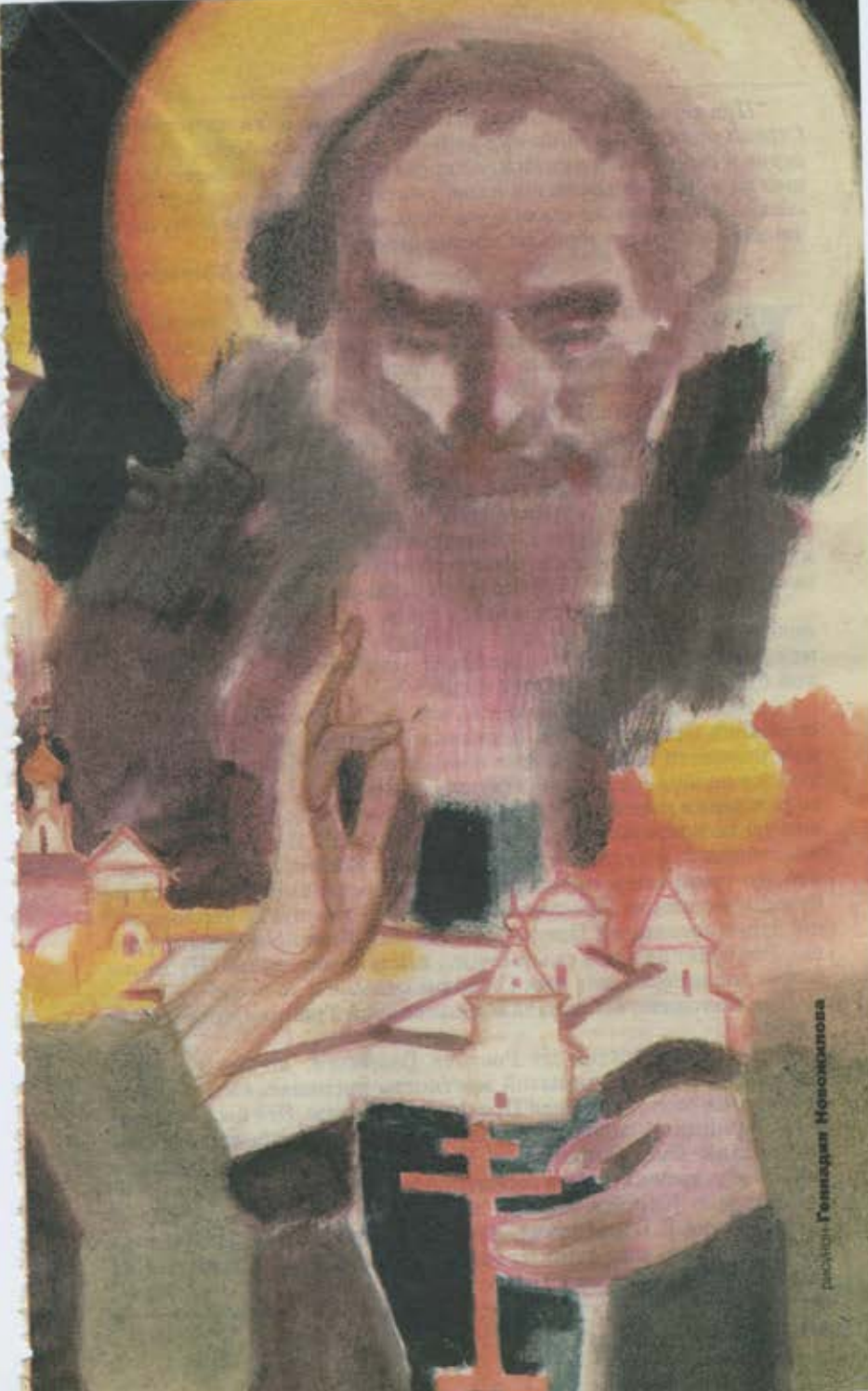
12 раз в год.

© "Смена", 1999.

ШТУМЕН ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Любовь РУСЕВА

“Примером своей жизни, высотой своего духа преподобный Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна”.

В.О.Ключевский

Вдали от селений и дорог над густым дремучим лесом, где не ступала нога человека, возвышалась в виде маковки гора, которая так и называлась — Маковница. Только птицы да звери хозяйничали в дебрях. Полюбилось это место двум пустынноикам, в представлении которых именно так должен выглядеть земной рай до грехопадения человека, и решили они здесь срубить себе маленькое жилище. Застучали топоры в непроходимой чаще, пугая зверей и птиц. Тяжко приходилось братьям, с трудом перетаскивали они на своих изнеженных боярских плечах огромные бревна. Постепенно редела лесная чаща, и вот уже стоит на Маковнице маленькая церквушка.

— По плоти ты мне старший брат, — молвил Варфоломей, любуясь на творение их рук, — а по духу — вместо отца. Скажи мне, во имя какого святого следует освятить нашу церковь? Какой будет ее престольный праздник?

— Зачем спрашиваешь о том, что сам лучше меня знаешь? — отозвался Стефан. — Ты, конечно, помнишь, как не раз покойные родители наши при мне говорили тебе: “блюда себя, чадо: ты уже не наше, а Божие. Господь сам избрал тебя прежде твоего рождения и дал о тебе доброе знамение, когда трижды возгласил ты во чреве матери, во время литургии”. И пресвитер, тебя крестивший, и чудный старец, нас посетивший, говорили тогда, что это трикратное приглашение твое предзнаменовало, что ты будешь учеником Пресвятыя Троицы. И так пусть церковь наша будет посвящена Пресвятому Имени Живоначальных Троицы. Это будет не нашемышление, а Божие изволение. Пусть же благословляется здесь имя Господне отныне и во веки!

Так положено было начало знаменитой Троице-Сергиевской лавре.

В четырех верстах от Ростова Великого, по пути в Ярославль, на ровной открытой местности располагалась некогда небольшая обитель во имя Пресвятой Троицы. Это был заштатный Варницкий монастырь. Здесь находились поместье и дом ростовских бояр Кирилла и Марии, которые предпочитали сельское уединение суете городской жизни при княжеском дворе. Вначале Кирилл состоял на службе у ростовского князя Константина II Борисовича, а потом у Константина III Васильевича. Боярин, как один из самых близких людей к князьям, не раз сопровождал их в Орду.

Супруги были нрава доброго, строго соблюдали все церковные уставы и помогали бедным. В жизнеописании святых отмечается, что еще до рождения второго сына Марии было знамение, что это будет великий избранник Божий. Как-то в воскресенье она пришла в церковь и стала с остальными женщинами. Началась литургия, и перед чтением святого Евангелия, среди тишины, не родившийся еще младенец вдруг вскрикнул во чреве матери да так, что рядом стоявшие услышали. Когда запели Херувимскую песнь, раздался еще один крик, причем настолько сильный, что был слышен уже во всей церкви. Марии стало страшно.

— Возвем! Святая святым! — возгласил священник.

Именно в этот момент ребенок крикнул в третий раз. Будущая мать едва не лишилась чувств и залилась слезами. Женщины окружили Марию, желая помочь ей успокоить ребенка.

— Где же у тебя младенец? — спрашивали они. — От чего он кричит так громко?

— Нет у меня младенца. Спросите еще у кого-нибудь.

Женщины стали озираться, но, не увидев нигде никаких детей, снова пристали к бедной женщине с теми же вопросами. Мария призналась, что она беременна.

— Как же может кричать младенец, когда он еще в утробе матери? — возразили удивленные прихожанки.

— Я и сама удивляюсь этому и нахожусь в немалом недоумении и страхе.

...3 мая 1319 года Мария родила сына. В доме боярина Кирилла радостно праздновали это событие. На сороковой день мальчика крестили. В этот день, 11 июня, праздновалась память святого Варфоломея, и мальчика нарекли этим именем, что означало "сын радости".

Родители поведали крестившему священнику о чуде в церкви во время литургии.

— Не смущайтесь, — успокаивал священник родителей, — а паче радуйтесь, что сын ваш будет избранным сосудом Духа Божия и служителем Святой Троицы.

И иерей Михаил привел им многочисленные примеры из священного писания, когда младенцы, избранные Богом, кричали во чреве матери.

С самого детства Варфоломей любил уединяться и в тишине молиться. В семилетнем возрасте родители отдали его с братьями учиться грамоте. Старший Стефан и младший Петр учились хорошо, а среднему сыну учеба не давалась. Учителя наказывали Варфоломея, товарищи смеялись над ним, родители уговаривали. Сам же мальчик напрягал все свои силы, чтобы одолеть грамоту, но ни бессонные ночи, проведенные над книгами, ни горячие молитвы не помогали. Это сильно печалило и отрока, и его родителей.

Как-то раз отец послал Варфоломея искать жеребят. В рощице мальчик увидел старца-черноризца, который усердно молился.

— Что тебе надобно, чадо? — ласково спросил старец, окончив молитву.

— Меня отдали учиться грамоте, — ответил сквозь слезы Варфоломей, — и больше всего желала бы душа моя научиться читать слово Божие. Но вот сколько ни стараюсь, никак не могу выучиться, не понимаю, что мне толкуют, и очень печалюсь о том. Помолись за меня Богу, отче святой, попроси у Господа, чтобы он открыл мне учение книжное. Я верю, что Бог примет твои молитвы.

Старца умилили слова мальчика. Помолившись, старец бережно вынул из-за пазухи ковчежец, и тремя перстами достал из него крошки святой просфоры, которыми благословил мальчика.

— Возьми сие, чадо, и снеждь. Сие дается тебе в знамение благодати Божией и разумения Святого Писания. Не смотри на то, что частица святого хлеба так мала: велика сладость вкушения от нея.

Благоговейно вкусил мальчик от святого хлеба, и какую же сладкою показалась ему эта таинственная пища! Узнав, что мальчик много псалмов заучил наизусть, старец сказал:

— Если веруешь, чадо, больше сих узришь. А о грамоте не скорби: ведай, что отныне Господь подаст тебе разумение книжное паче братьев твоих и товарищей, так что и других будешь пользоваться.

— Отче святой, войди в дом к моим родителям, — умолял мальчик старца, когда тот собрался уйти. — Родители мои очень любят таких, как ты, отче! Не лиши же и их своего святого благословения.

Тронутый до глубины души, старец отправился за мальчиком. Радужно встретили Кирилл и Мария инока. Приняв его благословение, супруги предложили угощение.

— Прежде следует вкусить пицци духовной, — ответил гость и направился в молельню, которая в те времена была в каждом боярском доме.

— Читай, чадо, слово Божие, — велел старец, протягивая книгу Варфоломею.

Тот отказался, так как не умел читать, но старец настаивал. Перекрестившись, мальчик стал читать, да так хорошо, что все присутствовавшие были удивлены. После молитвы вкусил гость предложенную трапезу, а на прощание пророчески произнес:

— Знайте, что велик будет сын ваш пред Богом и людьми за его добродетельную жизнь!.. Он многих приведет за собою к разумению Божественных заповедей.

Сбудутся слова странника, но не на родной ростовской земле, не в Ростовском княжестве, которое уже потеряло свое значение, а в неизвестной тогда Москве, которая еще только готовилась стать первопрестольной.

В скорбное время родился на свет Варфоломей. Русь стонала под Ордой, опасными соседями были Литва, Польша, Венгрия и Швеция. Невозможно было одолеть сильного врага, потому что русские князья все больше ссорились, брат шел на брата.

Татарское иго не прошло бесследно и для нравственности. “Забыв гордость народную, — писал Карамзин, — мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, еще больше обманывали друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплемennых тиранов. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил: не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; воровство сделалось общею язвою собственности...”.

Именно в это время родилась русская пословица: “близ царя — близ смерти”. Князья, отправляясь в Золотую Орду, писали духовные завещания и прощались с семьей. Никто не знал, вернется ли он или сложит там свою голову. Тем не менее никто и не смел подумать в это время, чтобы сбросить ненавистное иго. При таком положении разодранная на клочки Русь была обречена на полное уничтожение.

“Одним из отличительных признаков великого народа, — писал В.О Ключевский, — служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу”.

И такой человек на Руси появился: Сергей Радонежский.

...В 1328 году младшему сыну Великого князя Иоанна Даниловича досталось в наследство село Городок, которое носило в древности название Радонеж. Желая привлечь большее число переселенцев в этот почти незаселенный край, князь объявил им различные льготы. Лишь только в Ростове прослышали об этом, как многие потянулись в Радонеж. Среди них были и разорившиеся родители Варфоломея, которые водворились в Радонеже близ церкви Рождества Христова. Когда престарелые Кирилл и Мария поселились в монастыре, как часто это делалось в старину, хозяйничать стал Стефан. Но старший сын пережил душевную травму: умерла его любимая жена. Стефан оставляет своих двух сыновей Петру и принимает постриг.

Ненадолго хозяином имения стал Варфоломей. Когда ему исполнился 21 год, умерли родители. 40 дней Варфоломей беспрестанно молился в монастыре и каждый день кормил нищих.

После этого срока он раздал остатки собственности родителей бедным и, уговорив старшего брата, удалился с ним от мира.

Не выдержал Стефан лишений и трудностей отшельнической жизни. Суровой, неприветливой показалась ему дикая пустыня, и он ушел в Москву в Богоявленский монастырь. Один остался в дремучем лесу Варфоломей. Но однажды забрел к нему священноинок Митрофан, он-то и постриг двадцатитрехлетнего отшельника. Произошло это событие 7 октября 1342 года — в день, когда церковь празднует святых мучеников Сергия и Вакха. Варфоломею было дано имя Сергий.

Многое пришлось претерпеть молодому монаху: и голод, и стужу, и нападение диких зверей. Единственным живым существом, с которым он постоянно общался, стал огромный медведь. Хозяин леса, получив краюху хлеба от Сергия, зачастил к нему в гости. Отшельник отдавал ему последнюю корку и благодарил Бога за то, что “послал лютого зверя на утешение”.

Как ни стремился к одинокой жизни Сергий, но молва об отважном праведном отшельнике, который в молитвах проводит все свое время, разнеслась далеко по окрестностям. И потянулись на Маковницу люди. Трагические обстоятельства жизни располагали к тому, что некоторые не выдерживали и покидали мир, ища спасение в дремучих лесах. Жаль было расставаться Сергию со своим уединением, но отказать в приюте и добром слове нуждающимся он не мог.

Постепенно число мирян росло, стали они строиться рядом с одинокой кельей Сергия, что стало зачатком прославившегося впоследствии монастыря.

Блестящий знаток души человеческой, Сергий терпеливо и мягко относился к своим воспитанникам. Начав править собиравшимися вокруг него людьми, он был для них пекарем, портным, поваром, мельником, дровоколом, плотником... Даже став настоятелем обители, Сергий продолжал ту же черную хозяйственную работу и внимательно следил за каждым новичком, давая ему занятия по силам и наклонностям. Он не обличал прямо оступившихся, не заставлял их краснеть, а “тихой и кроткой речью” вызывал в них раскаяние. Это была истинная школа благонравия, в которой сверх религиозно-иноческого воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навыки к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Своей любовью к людям он умел виртуозно извлекать из души человеческой самые прекрасные чувства. Перед этим умением старца не устоял даже самый “упрямый русский человек XIV века”, рязанский князь Олег.

Дружное братство, воспитанное Сергием, оказывало на мирян глубокое нравственное влияние. Молва о христианском общежитии монастыря притягивала, как магнитом, и потянулся людской поток в обитель посмотреть и послушать Преподобно-

го. Некоторых поначалу разочаровывало виденное: все было "худостно, все нищетно, все сиротинско". На самой территории монастыря шумел над кельями первобытный лес, вокруг церкви торчали свежие пни и валялись неубранные стволы срубленных деревьев, в деревянной церковке за неимением средств свеч было мало и пахло лучиной. Случалось, что вся братия целыми днями сидела без куска хлеба. Но все были дружны между собой и приветливо встречали пришельцев. В обители чувствовалась напряженная физическая и мыслительная работа, благодаря которой люди постигают тайну бытия и мироздания.

"Надобно припомнить людей XIV века, их быт и обстановку, запас их умственных и нравственных средств, — писал Ключевский, — чтобы понять впечатление этого зрелища на набожных наблюдателей... Таких людей была капля в море православного русского населения. Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически... Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV в. От вековых бедствий этот человек так оскудел нравственно, что не мог не замечать в своей жизни недостатка этих первых основ христианского общежития, но еще не настолько очерствел от этой скудости, чтобы не чувствовать потребности в них. Пробуждение этой потребности и было началом нравственного, а потом и политического возрождения русского народа".

Полвека длилась деятельность преподобного Сергия в Радонеже, на протяжении этого времени люди ежедневно приходили в обитель беседовать с ним и уносили не только воду из его источника, но черпали здесь утешение и ободрение. Возвращаясь домой, они делились своими впечатлениями. Народ окреп, поверил в свои силы, в нем проснулось чувство собственного достоинства, он поднялся с колен. С этого времени начинается открытое сопротивление, а затем и борьба с ненавистой Ордой.

В период правления Дмитрия Ивановича Русь усиливалась единовластием, а Золотая Орда ослабевала от внутренних распрей. Начинается открытая борьба против татарского ига.

Летом 1380 года Мамай поднял свои полчища на Русь. Он объявил поход по следам Батыя. Напрасно московский князь Дмитрий Иванович пытался умиловить дарами и покорностью грозного могущественного хана. Мамай и слышать не хотел о пощаде, он заключил союз с сыном и преемником великого князя Литовского Ольгерда — Ягайло, который должен был присоединиться к нему 1 сентября.

Рязанский князь Олег, который еще недавно пострадал от татар, был напуган бесчисленным войском Орды. Он предупредил Дмитрия о нашествии, а сам поспешил войти с Мамаем и

Ягаило в переговоры. Литовский и рязанский князья, по свидетельствам летописцев были уверены, что Дмитрий Иванович не выйдет против несметных золотоордынских полчищ.

Но великий князь и не думал бежать, хотя находился в тяжелом положении после недавних сражений с Литвой и беспокойными соседями. Делать было нечего — татарские полчища грозовой тучей надвигались на русскую землю. Русь вооружалась.

Великий князь послал во все города гонцов — к 15 августа собраться в Коломне. На зов прибыли ростовские, белозерские, ярославские, владимирские, суздальские, переяславские, костромские, муромские, дмитровские, можайские, звенигородские, угличские, серпуховские князья. Собралась огромная рать, какой прежде никогда не видывали на Руси — 150.000 человек!

Дмитрий Иванович отправился со всеми князьями и воеводами и с отборной дружиной в Троицкую обитель к Сергию Радонежскому, дабы получить его благословение перед смертельной схваткой с врагом.

— Ты уже знаешь, отче, — помолившись, обратился Дмитрий Иванович к Преподобному, — какое великое горе сокрушает меня, да и не меня одного, а всех православных: ордынский князь Мамай двинул всю орду безбожных татар. И вот они идут на мою отчину, на Русскую землю, разорять святые церкви и губить христианский народ... Помолитесь же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды!

— Господь Бог тебе помощник. Еще не приспело время тебе самому носить венец этой победы с вечным сном; но многим, без числа многим, сотрудникам твоим плетутся венцы мученические с вечной памятью.

Сергий окропил святой водой великого князя и всех, кто прибыл с ним.

— Тебе, господине Княже, — сказал старец, — следует заботиться и крепко стоять за своих подданных, и душу свою за них положить, и кровь свою пролить, по образу Самого Христа, который кровь свою за нас пролил. Но прежде, господине, пойди к ним с правдой и покорностью, как следует по твоему положению покоряться ордынскому царю. Ведь и Василий Великий утолил дарами нечестивого царя Юлиана. Господь призрел на смирение Василия, и низложил нечестивого Юлиана. Писание учит нас, что если такие враги хотят от нас чести и славы — дадим им; если хотят злата и серебра — дадим и это. Но за имя Христово, за веру Православную нам подобает душу свою положить и кровь свою пролить. И то, господине, отдай им честь, и злато, и серебро, и Бог не попустит им одолеть нас: Он вознесет тебя, видя твое смирение и низложит их непреклонную гордыню.

— Все это я уже сделал, но враг мой возносится еще более.

— Если так, — ответил угодник Божий, — то его ожидает конечная гибель, а тебя, великий княже, помощь, милость и

слава от Господа. Уповаем на Господа и на Пречистую Богородицу, что Они не оставят тебя.

Князь преклонил колени, и Сергей осенил его крестом.

— Иди, господине, небожно! Господь поможет тебе на безбожных врагов! — и, понизив голос, тихо произнес одному Дмитрию. — Победиши враги твоя.

Великий князь прослезился от душевного волнения.

— Отче, в благословение моему воинству прошу у тебя особо дара.

— Что желаешь, княже?

— В обители твоей есть два инока-богатыря, кои были некогда доблестные воины, кои памяты нам своими мужеством и храбростью. Отдай их в мои полки. Сии храбрые воины, посвятившие себя всецело Богу, своим мужеством послужат примером для моего воинства и тем сослужат великую службу мне.

В числе братии находились два инока: бывший брянский боярин Александр Пересвет и бывший любецкий боярин Андрей Ослябля. Мужество и храбрость этих иноков были свежи еще в памяти. Сергей тут же повелел им готовиться на ратное дело, а вместо лат и шлемов возложить на себя схимны, украшенные изображением креста Христова.

— Вот вам, дети мои, оружие нетленное. Да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!

Поручая их великому князю, святой старец сказал:

— Вот тебе, возлюбленный Княже, мои оруженосцы и послушники, а твои избранники! — и добавил, обратившись к инокам. — Мир вам, возлюбленные о Христе братия! Мужайтесь ко доблии воины Христовы! Приспело время вашей купли!

Великий князь вернулся в Москву, где узнал о предательстве Олега и о приближении литовцев. Через проездную Тимофеевскую башню Кремля, по улице Великой в Китай-городе отправился Дмитрий со своим войском в Коломну, где его ждали верные ему сыновья Ольгерда — Андрей и Дмитрий. 20 августа великий князь выступил из Коломны. На Оке к нему присоединился двоюродный брат — серпуховской князь Владимир Андреевич, подошли и другие войска из Москвы. 6 сентября русские приблизились к Дону.

— Ступай, князь, за Дон, — советовали одни.

— Не ходи, потому что врагов много, не одни татары, но и Литва и рязанцы.

Дмитрий Иванович принял первое мнение, и в ночь на 8 сентября войско стало переправляться. С рассветом полки уже выстраивались в боевой порядок между рек Дона и Непрядвы.

Перед началом боя к русским войскам явился инок Нектарий с другими братьями от Сергия Радонежского. Преподобный прислал с ними просфору и грамоту, в которой еще раз благословлял Дмитрия на сражение и предрекал ему победу.

Великий князь стоял перед полками и громко читал послание святого старца. Стройные необозримые ряды войск стояли перед Дмитрием. Легкий ветер разведал бесчисленные знамена, на ярком осеннем солнце блестели оружие и доспехи.

— Боже, даруй победу государю нашему! — раздались восклицания русского войска, когда Дмитрий закончил чтение.

Послание Сергия Радонежского было столь важно и благотворно, что даже слабые духом воодушевились мужеством. Дмитрий сел на коня и в последний раз объехал свои дружины.

— Верные товарищи и милые братья! Готовы ль вы к кровавой сече? Готовы головы свои сложить за Христа и Отечество?!

— Готовы головы наши сложить за Христа и Отечество, и за тебя, Великий Княже! — вдохновенно несло со всех сторон.

Перед началом битвы Дмитрий Иванович велел своему любимцу Михаилу Андреевичу Бренке надеть собственные латы и шлем и поставил его вместо себя под великокняжеское черное знамя. Сам же он вооружился железной палицей, желая лично повести войска.

— Великий Княже, не вдавайся без нужды в опасность, а щади свою дорогую жизнь для общей пользы, — отговаривали его все русские князья и воеводы.

— Мне должно общую с вами пить чашу. Смерть или живот — едино с вами вкушу!

В двенадцатом часу показались татары, они спускались с холма на широкое Куликово поле. Дмитрий также двинул свои полки. В полдень войска сошлись лицом к лицу. Вдруг из ордынских рядов выехал огромного роста и крепкого телосложения богатырь по имени Челубей Тамир Мурза. Потрясая копьем, он вызывал на единоборство кого-либо из русских витязей. Страшно было смотреть на великана. Много было храбрых воинов среди русских, но никто не решался на поединок. А великан, и вслед за ним все ордынское войско, потешаются над трусостью врага. Не стерпел один из иноков преподобного Сергия поношения от дерзкого татарина всему воинству православному, выехал Александр Пересвет вперед и обратился к великому князю и к остальным:

— Не смущайтесь этим нисколько! Велик Бог наш и велика крепость Его! Гордый татарин не мнит найти среди нас равного себе витязя, но я желаю с ним переведаться, я выхожу против него во имя Господа Сил! Готов воспринять венец царства небесного!

Вместо брони и шлема Пересвет был облачен в схиму ангельского образа. Он окропил себя святой водой, заочно простился с Сергием Радонежским, простился с братом Андреем Осляблей, с великим князем и со всем воинством.

— Отцы и братия! Простите меня грешного! — воскликнул Александр.

— Бог тебя простит, благословит и молитвами Сергия да по-
может тебе! — был ему всеобщий ответ.

Молнией устремился отважный инок на страшного татарина. Гул разнесся над обоими войсками в то время как стремительно на своих быстрых конях сближались противники. Удар тяжелых копий был столь силен и громок, что, казалось, сотряслось само место поединка. Оба богатыря мертвыми пали на землю.

Тогда-то и “закипела битва кровавая, — повествует Святитель Дмитрий Ростовский, — заблестели мечи острые, как молнии, затрещали копыя, полилась кровь богатырская под седлами, покатались шлемы золоченые под ноги конские, а за шлемами и головы богатырские...”.

Не выдержал Дмитрий, спешился и отдал своего любимого коня Михаилу Бренку, повелел ему вместо себя быть под знаменем, а сам ринулся в битву наравне с простыми ратниками...

...А в радонежской обители тем временем игумен Сергий собрал всю братию и усердно молился за успех великого дела. Тело его находилось в храме Пресвятой Троицы, а дух его был на поле Куликовом. Время от времени святой старец извещал свою братию о переменных успехах сечи, время от времени он называл павших героев по имени и читал за них заупокойные молитвы...

...Такой битвы еще не знала Русь. На пространстве десяти верст кровь человеческая лилась рекой, лошади не могли ступать из-за трупов, покрывших все это пространство. Пешая рать русичей уже лежала, как скошенная трава. Татары стали одолевать...

— Братия, падем ниц пред образом Господа! — возвысил голос старец. — Да поможет он выстоять рати нашей пред неверными, кои одолевают!

Все монахи, вслед за преподобным Сергием, упали на колени и умножили духовные силы общей молитвы...

...Торжествующий оскал появился на лице Мамай, не знал он еще, что по приказу Дмитрия в лесу в резерве стояли русские полки под начальством князя Владимира Андреевича и московского воеводы Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка...

Эти-то свежие полки решили исход битвы. Мамай, увидев поражение своих войск, обратился в бегство. Русские гнали врага до реки Мечи и овладели их станом.

...В это время под сводами храма раздался радостный голос старца, который торжественно возвестил братии о совершенном поражении врагов и прославил Бога, “поборающего русскому оружию”...

— Трубить в трубы! — приказал Владимир Андреевич, вернувшись после погони.

Все оставшиеся в живых стали собираться, но нигде не было видно великого князя Дмитрия Ивановича. Со слезами на глазах стал просить князь Владимир смертельно уставших ратников искать великого князя, обещая богатые награды тому, кто найдет его. Войско рассеялось по полю. Нашли труп любимца Дмитрия боярина Бренка. Наконец два ратника уклонились в сторону и обнаружили Дмитрия Ивановича, придавленного ветвями срубленного дерева. Владимир Андреевич поскакал к нему и объявил о победе. Великий князь пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем. Панцирь был на нем весь избит, но на теле не было ни одной смертельной раны.

С этого времени стали Дмитрия Ивановича называть Донским, а брата его Владимира Андреевича — Храбрым.

Была на Руси радость великая, но была и печаль большая: менее 40.000 вернулось с поля Куликова. Оскудела русская земля князьями, воеводами да ратниками. А Мамай, вернувшись в Орду, снова собрал великое войско на московского князя, но был остановлен другим своим врагом — Тохтамышем, который и разбил его на берегах Калки.

Сергий же не только своими молитвами помогал русской рати во время битвы. Над победоносным московским князем нависла смертельная опасность. Олег Рязанский собрался напасть на обесиленное войско Дмитрия, которое стояло в Коломне. К нему спешил литовский князь. Но неожиданно Олег убежал из Рязани к Ягайле. Причину этого панического бегства объясняет дошедшая до наших дней грамота Преподобного. Узнав о коварных замыслах, Преподобный Сергий послал своего келаря в Рязань. Летопись говорит о раскаянии Олега, правда, кратковременном. Еще сильнее убеждения радонежского посланника и его грамота подействовали на рязанских бояр, которые разгневались на своего князя. Таким образом святой старец вновь спас родную землю от гибели.

Позже не раз Дмитрий Донской посылал своих доверенных людей к князю рязанскому с мирными предложениями, но тот не желал слышать о мире. Тогда великий князь призвал к себе Преподобного Сергия и просил принять на себя труд убедить упрямого Олега примириться. Поздней осенью 1385 года старец по своему обыкновению отправился пешком в Рязань. Тихими кроткими речами Сергий добился того, что Олег Иванович, союзник Орды и Литвы, отошел от извечных врагов Руси и примирился с московским князем. Он даже женил своего сына на дочери Дмитрия Донского.

Сергий содействовал наступлению мира и с тверским князем. Так, благодаря этому печальнику земли русской, возрастала и крепла централизованная власть. Мало-помалу удельные князья свыкались с мыслью о необходимости подчиниться московскому князю.

После победы на Куликовом поле Сергей Радонежский стал еще более дорог великому князю. По смерти митрополита Алексия Дмитрий Донской не раз обращался к Преподобному за помощью по государственным делам. Сергей был восприемником от купели святого крещения сыновей князя Юрия и Петра. Присутствовал Радонежский при кончине и погребении Дмитрия Донского...

Нравственная бодрость и духовная крепость, которые Сергей вдохнул в русский народ, проявились не только на Куликовом поле, но и в жизни русских монастырей. С Преподобного Сергия начался процесс, который продолжился и после его смерти. Заметно оживилось стремление к иночеству. Ученики Сергия основали до 150 монастырей, что в тот период русской истории было точным показателем нравственного состояния русского народа. Историк Ключевский писал об этом процессе: "... стремление покинуть мир усиливалось не оттого, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных".

Преподобный Сергей был образцом и начинателем новых монастырей. До этого они строились в пределах города, теперь же вдали от селений, в глухих местах. Эти монастыри становились оплотом новых поселений. Вокруг них оседали миряне, и монастыри оказывали им помощь, давали ссуду. Под старость хлебопашцы находили приют в монастыре. Так усилиями монахов и крестьян создавалась верхневолжская Русь.

Сергий сообщил точную дату своей кончины за полгода. Он мужественно переносил физические страдания, а когда пробил его час, тихо утешал скорбящих учеников и соратников.

— Не скорбите, чада мои! Я отхожу к Богу, меня призывающему, и вас поручаю Всемогущему Господу и Пречистой Его Матери: Она будет вам прибежищем и стеною от стрел вражьиных...

Тихо покинул мир этот святой старец. 680 лет назад родился он в нашем истерзанном Отечестве и явился светочем, став игуменом Русской земли. "При имени преподобного Сергия, — писал Ключевский, — народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание... Ворота лавры преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей — только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его". ■